

струировали особенности церковной жизни Крыма в контексте социально-политических и военных потрясений 1914—1920 гг. Взвешенно оценивая исторические события во всей их сложности и противоречивости, без уклонения в апологетику или в критику, они изобразили духовенство, переживавшее накануне революции внутрисословный кризис, без ненужной ретуши, во всём многообразии человеческих характеров, мотиваций и представлений о благе Церкви.

Примечание

¹ Калиновский В.В., Пученков А.С., Самыловская Е.А. Служение архиепископа Димитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте // Вопросы

сы истории. 2020. № 4. С. 18—33; Калиновский В.В. «Германофильство» епископа Димитрия (Абашидзе) в годы Первой мировой войны: архиерейский ответ на «немецкий вопрос» // Научный диалог. 2020. № 9. С. 336—357; Калиновский В.В., Петров И.В., Пученков А.С. «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. Т. 4. 2019. № 4. С. 28—34; Пученков А.С., Калиновский В.В., Петров И.В. Православное духовенство Крыма и начало Первой мировой войны: настроения епархиального руководства и рядовых священников // Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки. Материалы. Волгоград, 2018. С. 318—334; Петров И.В., Пученков А.С. «Черновики будущего»: проблема антисемитизма в рядах таврического духовенства в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 2019. № 12-2. С. 205—220.

Иван Петров

Жизненный путь митрополита Вениамина (Федченкова) в современных латвийских исследованиях*

Ivan Petrov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The Life Path of Metropolitan Benjamin (Fedchenkov) in contemporary Latvian Studies

DOI: 10.31857/S086956870016616-8

За последние 30 лет в каждой из трёх балтийских республик появилась своя традиция рассмотрения истории православной Церкви в XX в. В Литве наибольшее внимание ей уделила Р. Лаукайтис, скептически характеризующая взаимоотношения Московской патриархии с боготоржеской властью в СССР¹. В Эстонии наиболее острой проблемой оказалась каноничность перехода местных православных приходов в 1923 г. в юрисдикцию

Константинопольского патриархата. При этом мнения исследователей предсказуемо разделились². В Латвии учёные освещали прежде всего деятельность клириков Прибалтийского экзархата и «Православной миссии в освобождённых областях России» в годы Великой Отечественной войны и нацистской оккупации. К этой теме не раз обращались и российские, и латвийские специалисты³.

Материал подготовлен при поддержке гранта президента РФ для молодых кандидатов наук, проект № МК-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941—1991 гг.».

¹ Евфросиния (Седова), инокиня. Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Рижской кафедре (1948—1951 годы). Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2016. 320 с. (I); Седова Г.В. (Евфросиния, инокиня). Рижская епархия 1944—1964. Из истории православия. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgads «Saule», 2020. 384 с. (II).

Вместе с тем в последние годы заметно возрос интерес к личности митрополита Вениамина (Федченкова), эволюционировавшего от ярого сторонника Белого движения до советского патриота, вернувшегося из эмиграции. В частности, ему посвящены две научные монографии инокини Евфросинии (Седовой). Галина Вадимовна Седова — многолетний редактор газеты Латвийской Православной Церкви «Виноградная лоза» и серьёзный учёный, недавно защитившая в университете Даугавпилса докторскую диссертацию и неоднократно выступавшая на научных конференциях в Латвии, России, Бельгии и т.д., феномен в современной церковной историографии. В своих работах, хотя и написанных в «житийном» стиле, она опирается на документы из латвийских архивов и свидетельства очевидцев.

Примечательно, что её монография «Служение митрополита Вениамина (Федченкова) на Рижской кафедре (1948—1951 годы)» на две трети состоит из публикации тщательно откомментированных источников, наилучшим образом передающих атмосферу изучаемого времени. В первых главах данного исследования читатель знакомится со сложным положением православного духовенства и верующих в одной из беднейших епархий Русской Православной Церкви (I, с. 41). До владыки Вениамина ею временно управлял архиепископ Виленский и Литовский Корнилий (Попов), в прошлом — виднейший представитель обновленческого движения. Разумеется, влиятельный архиерей, прошедший много лет в эмиграции, выстраивал взаимодействие с местным духовенством иначе, чем его предшественник. По словам автора, он «с особым вниманием относился к клирикам» и заботился о них «по-отечески» (I, с. 41). Возникавшие же кон-

фликты между священнослужителями и новым митрополитом в книге объясняются слишком большой автономией епархиального совета в 1945—1947 гг. (I, с. 43—45) и даже саботажем. Так, фактически руководивший епархией протоиерей Николай Смирнов отказывался менять манеру своего общения с правящим архиереем, а при осложнении ситуации пользовался своими хорошими связями с уполномоченным (I, с. 45). Целая глава посвящена докладу митрополита Вениамина патриарху Алексию I о положении православия в Латвийской ССР и неправильном порядке контактов между епископом и представителями власти в условиях советской атеистической системы (I, с. 46—61). В панегирическом ключе изображаются исследовательницей визиты митрополита Вениамина по вверенным ему приходам (I, с. 64), а также празднование столетнего юбилея епархии и приуроченный к нему съезд благочинных в середине июля 1950 г. (I, с. 74—84).

Всё, что могло бы омрачить благостную картину деятельности митрополита Вениамина в Латвии, упоминается вскользь или нейтрально. Так, о славословии главы Рижской епархии в адрес Иосифа Сталина сказано: «Среди исследователей есть мнение, что владыка подобострастно относился к советской власти и к И.В. Сталину, полагаю, данное мнение предвзятое, так как архиепископ с искренним уважением относился вообще к власти, и в частности к руководителю советского государства, и этого не скрывал» (I, с. 64—65). Далее на основе писем и воспоминаний пространно характеризуется его отношение к существовавшим в СССР порядкам, при этом слова архиерея, участвовавшего в просталинской пропаганде в США в годы войны, но не видевшего большевистских репрессий 1920—1930-х гг. или же «первого советского года» в

Прибалтике, почему-то сравниваются с записями в дневнике высланной в Уфу латвийской школьницы (I, с. 65—66). Кстати, иерарх Церкви действительно заявлял о поддержке любой власти и столь же рьяно служил режиму барона П.Н. Врангеля в Крыму, где призывал расправиться с большевистской диктатурой⁴. Мастер интриги, некогда стоявший во главе военного духовенства Белого Крыма, теперь с большим удовольствием печатал здравицы в честь Сталина на страницах своего бюллетеня «Вести»⁵. Впрочем, по мнению исследовательницы, он искренне верил в преобразование советской власти (I, с. 71).

Описывая перевод митрополита из Латвии в Ростов, автор подробно освещает его несбывшиеся планы создать скит в Дубултах, разногласия, возникшие у него с уполномоченным по делам Русской Православной Церкви по Латвийской ССР А.А. Сахаровым, и общее разочарование архиерея, вызванное положением дел в епархии. Из книги видно, что, несмотря на свой советский патриотизм, он напрасно надеялся на «взаимное понимание и сотрудничество» с атеистическими властями (I, с. 103). К тому же «владыка допускал промахи как администратор и относился слишком идеалистически к некоторым вопросам. Хорошо известно, что его мягкость и сердечность расценивались как наивность, но ведь праведные люди нередко бывают наивными. Правда, совсем не наивным человеком считали правящего архиерея уполномоченные» (I, с. 104). Это довольно спорно, поскольку, к примеру, митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) или же архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий), прошедшие через репрессии, гораздо жёстче отстаивали церковные интересы. Но митрополит Вениамин вернул-

ся в СССР, не зная того государства, которому предоставил свои услуги в тяжёлый военный период. Приехав, он обнаружил далёкую от своих представлений картину «Святой Руси, обрамлённой красной звездой». Тот стиль управления епархией и общения с властью, который подходил для российских антибольшевистских властей, не устраивал руководство сталинского СССР. Вместе с тем владыка не обличал развернувшиеся гонения с той энергией, какой отличалась ранее его борьба с нацизмом. Отдельные же «печалования» не были услышаны советскими органами. По сути, митрополит стал «безмолвным свидетелем» происходившего. Желая изменений, он никогда не пересекал опасной черты. Его возвращение лишь подтвердило невозможность примирения белого и красного даже в случае отказа от идеалов Гражданской войны.

Основу второй монографии Г.В. Седовой «Рижская епархия 1944—1964. Из истории православия» составили материалы РГАСПИ, ГА РФ и Национального архива Латвии (фонды Президиума Верховного совета и Совета министров Латвийской ССР, уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Латвийской ССР, Министерства юстиции, Общества латвийско-зарубежных связей и дружбы и др.). Исследовательница более подробно изучила следственные дела православных клириков, репрессированных как в «первый советский год», так и в послевоенный период, работала с делами депортированных из Латвии 14 июня 1941 г. и 25 марта 1949 г. (ф. 1894 и 1987), анализировала данные, связанные с биографиями уполномоченных Н.П. Смирнова и А.А. Сахарова, извлекая их из фонда личных дел номенклатурных работников ЦК КП Латвии. Хорошо известна Седовой российская, латвийская и

немецкая историография, причём как церковная, так и светская. Собранные же ею интервью с очевидцами событий тех лет придают работе уникальность, поскольку круг свидетелей быстро сужается. Удивительно, но несмотря на близость к священноначалию, автор не ссылается на источники из архива Латвийской Православной Церкви. Видимо, он до сих пор закрыт, хотя епархиальные хранилища всё чаще открываются даже для светских исследователей.

Книга включает три главы: в первой рассматриваются государственно-церковные отношения в советской Латвии в 1944—1964 гг., во второй характеризуется жизнь епархии, а третья посвящена особенностям «форм и проявления репрессий в период советизации». Подобная структура логична и позволяет всесторонне осветить тему.

Весьма ценной является информация о латвийских уполномоченных и депортациях 1941 и 1949—1950-х гг. При этом Седова различает подходы к работе «горячего партийца» Н.П. Смирнова и представителя советских органов государственной безопасности А.А. Сахарова, которому явно отдаёт предпочтение, хотя оба они многое сделали для дискредитации и ослабления Церкви. Более того, именно Сахаров сыграл роковую роль в судьбе некоторых псковских миссионеров и других представителей «православной Латвии». Но, как отмечает исследовательница, он привёл «канцелярию в порядок», изучил положение православной Церкви и был более независим в отношениях с партийно-государственным аппаратом Латвии, чем его предшественник (II, с. 60—64). Первоначально он даже смог «обаять» митрополита Вениамина (Федченкова) (II, с. 63). На рубеже 1950—1960-х гг., в период «хрущёвских гонений», Сахаров «со знанием

дела решал вопросы контроля над выполнением советского законодательства о культах» (II, с. 68). Так, в монографии со ссылкой на латвийскую прессу (но без указания конкретных материалов) говорится о его причастности к закрытию православных храмов в республике (II, с. 60). Будучи, по словам Евфросинии (Седовой), «исполнительным функционером и незаменимым работником» (II, с. 71), Сахаров проработал уполномоченным вплоть до 1980-х гг. И в старости он отказывался давать интервью журналистам и историкам, однако после смерти его отпевали по православному обряду (II, с. 60—61). Удивительно, но кажется, что, помимо митрополита Вениамина, именно чекист Сахаров предстаёт в изображении инокини Евфросинии одним из главных положительных героев.

О большинстве архиереев, служивших в Риге, упоминается только в восторженном ключе. Исключение составляет лишь одиозный Филарет (Денисенко), о котором мимоходом сказано: «Непродолжительное время управлял епархией епископ Лужский Филарет (Денисенко) — с 4 февраля по 27 августа 1962 года. Но в связи с краткостью его пребывания на кафедре в памяти духовенства осталось то, что архипастырь изучал иностранные языки, а в дальнейшем был направлен на одну из кафедр Западной Европы» (II, с. 131).

Раскрывая отношение латвийского общества к противостоянию Советского Союза и нацистской Германии, Седова усматривает в нём некие параллели со спорами «пораженцев» и «оборонцев» в годы Первой мировой войны (II, с. 226). Тем самым она, по сути, уравнивает выражение патриотических чувств к империи, защищавшей интересы Церкви, и к главному на тот момент атеистическому государству в мире (тем более в совети-

зированной в 1940—1941 гг. Прибалтике). В параграфе «Проявление коллаборационизма в среде духовенства» (II, с. 254—265) прослеживаются обстоятельства нацистской оккупации и контакты православного духовенства с немцами. Так, ярким примером коллаборациониста являлся священник Димитрий Околович, который с воодушевлением приветствовал вермахт, радуясь в середине июля 1941 г. тому, что пришёл конец «врагам латышского народа» и православные не остались «во власти красного дракона»⁶. Впоследствии, столкнувшись с реалиями «оттепели», он вынужден был снять сан. Подробное описание газетной кампании, предпринятой тогда против таких пастырей, как Иаков Легкий и Димитрий Околович, несомненно, стало авторской находкой.

Не менее ценны и собранные в монографии сведения о закрытии православных храмов в Латвийской ССР (отдельно по Курземе, Видземе, Земгале и Латгале, Риге и её окрестностям). Проведённые Евфросинией (Седовой) подсчёты настолько точны и скрупулёзны, что фактически создают исчерпывающую картину данного процесса. Столь же тщательно показана монастырская жизнь в Латвии в 1940—1960-х гг., и прежде всего — деятельность игумений Тавифы (Дмитрук) и Магдалины (Крисько). Гораздо более осторожно описаны аресты клириков и депортации мирян, в том числе в 1944—1953 гг. (II, с. 205—227). Вписывая их в общий контекст репрессий послевоенных лет, исследовательница по каждому пострадавшему священнику даёт ссылки на дела из Национального архива, пишет о пытках и выдавливании показаний из обвиняемых. При этом она констатирует: «Основным источником в изучении темы репрессий против клириков и мирян Рижской епархии остаются судебно-следственные дела архива КГБ Латвийской ССР. Архивные ма-

териалы из данных источников носят субъективный характер, в них много противоречий и открытой фальсификации. Изучение их требует тщательного отбора и критического анализа» (II, с. 227).

Нельзя не признать, что исследования инокини Евфросинии (Седовой) внесли значительный вклад в изучение истории православной Церкви в Латвии и заметно расширили её источниковую базу. Важно, чтобы они дошли до российского читателя, интересующегося периодом гонений.

Примечания

¹ *Лаукайтис Р.* Вопрос об автокефалии православной церкви в Литве в 1918—1940 годах // Церковь в истории России. Вып. 5. М., 2003. С. 362—373; *Лаукайтис Р.* Литовская православная епархия под властью митрополита Сергия (Воскресенского) 1941—1944 // Православие в Балтии. 2015. № 3(12). С. 97—109; *Лаукайтис Р.* Православные монастыри в Литве: советский период истории // Православие в Балтии. 2016. № 6(15). С. 77—93; *Лаукайтис Р.* Репрессии против духовенства Литовской епархии в период сталинизма // Православие в Балтии. 2018. № 8(17). С. 149—162; *Лаукайтис Р.* Социальные аспекты репрессий: переход на нелегальное положение в Литве в 1944—1953 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18—20 октября 2012 г. М., 2013. С. 393—401; *Лаукайтис Р.* Эпилог Российской империи в Литве: русские эмигранты в 1918—1940 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. XII. Таллин, 2012. С. 8—21.

² *Григорий (Папатома), архим.* Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллинн, 2007; *Прекуп И., свящ.* Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин, 1998; *Балашов Н., прот., Прекуп И., прот.* История эстонского православия и попытка ее недобросовестной ревизии: О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой Церковью в маленькой стране» // Вестник церковной истории. 2011. № 1/2 (21/22). С. 251—310; *Прекуп И., прот., Балашов Н., прот.* Проблемы православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013.

³ Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убитые. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940—1955). М., 1999; Гаврилин А.В. Уголовные дела православных священников как источники изучения сталинских репрессий на территории Латвии // Церковь и время. 2010. № 52(3). С. 193—218; Гаврилин А.В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб.; Тихвин, 2009; Гаврилин А.В. Латвийские

священнослужители на Американском континенте. М., 2013.

⁴ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 гг. СПб., 2020. С. 353.

⁵ Петров И.В. Православная Балтия 1939—1953 годов. Период войн, репрессий и международных противоречий. СПб., 2016. С. 339.

⁶ LNA, f. 1986, apr. 1, l.40001, l. 84.

Никита Гусев

Рец. на: М.А. Бирман. П.М. Бицилли (1879—1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.

Nikita Gusev

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: М.А. Birman. P.M. Bicilli (1879—1953). Zhizn' i tvorchestvo. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870016606-7

Тема Русского зарубежья, долгие годы табуированная в отечественной исторической науке, активно изучается последние три десятилетия. Однако на периферии исследовательского интереса остаётся судьба русских подданных на Балканах и, в частности, в Болгарии¹. Среди наиболее заметных эмигрантов, перебравшихся в Софию, — историк, филолог и литературовед П.М. Бицилли, крайне редко упоминавшийся в научной литературе. Восполнить этот пробел попытался в своей книге М.А. Бирман.

Пётр Михайлович Бицилли (1879—1953) родился в Одессе в семье высокопоставленного банковского служащего. Детство он провёл безбедно, но страдал из-за проблем со здоровьем и выпустился из гимназии позже своих ровесников. В студенческие годы он увлёкся революционными идеями, из-за чего дважды отчислялся с историко-филологического факультета Новороссийского университета и окончил его только в 27 лет, приступив на кафедре всеобщей истории к «подготовке к званию профессора» (с. 31). Бицилли «определил фактиче-

ски самостоятельно свой путь исследователя, то есть формировался как учёный, не имевший постоянных и систематических наставников» (с. 35). Первая статья Петра Михайловича вышла только в 1912 г., но в его ранних трудах был виден профессиональный историк с «литературным дарованием» (с. 43).

Преподавание в гимназии и на Одесских высших женских курсах требовало времени и значительно тормозило научные изыскания Бицилли. В 1910 г. ему пришлось срочно заменять заболевших тифом коллег и отказать от зарубежной командировки. По словам современника, Пётр Михайлович «подготавливал и писал своё исследование в вакационное время, урывками» (с. 44). В результате магистерскую диссертацию он защитил только в мае 1917 г. (с. 48). В разгар Гражданской войны в Одессе вышла его работа «Элементы средневековой культуры», где анализировались ментальность средневекового человека, его восприятие мира. Книга осталась незамеченной научной общественностью и была переиздана